

РЕЦЕПЦИЯ ТЕОРИИ КАРНАВАЛА М.М. БАХТИНА В ТРУДАХ КИТАЙСКИХ УЧЁНЫХ

Фан Сяожань

*Аспирант, Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
xfang@inbox.ru*

RECEPTION OF M.M. BAKHTIN'S CARNIVAL THEORY IN CHINESE SCHOLARS' WORKS

Fang Xiaoran

Summary: This article examines the reception of M.M. Bakhtin's carnival theory in Chinese literary studies. Chinese researchers have been actively studying Bakhtin's carnival theory since the early 1980s. To date, numerous works dedicated to the study of this theory have been published in China. The active dialogue between researchers has contributed to a deeper understanding of carnival theory and the expansion of its application in Chinese scholarly thought. The purpose of this work is to identify the main stages and trends in the reception of Bakhtin's carnival theory in China. The analysis presents the gradual development of carnival theory in Chinese academic discourse and examines the specifics of its perception at different stages. Based on the conducted analysis, the following conclusions were drawn: the reception of carnival theory in China has evolved from initial understanding through deep comprehension to multidimensional theoretical development. The most active discussions revolved around questions of the theory's historical validity and its methodological foundations.

Keywords: M.M. Bakhtin, carnival theory, carnivalization, Chinese Bakhtin studies, reception, grotesque realism, carnival laughter.

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению проблемы рецепции теории карнавала М.М. Бахтина в китайском литературоведении. Теория карнавала Бахтина активно изучается китайскими исследователями с начала 1980-х годов. К настоящему времени в Китае было опубликовано немалое количество работ, посвященных изучению этой теории. Активный диалог между исследователями способствовал более глубокому пониманию теории карнавала и расширению её применения в китайской научной мысли. Цель настоящей работы заключается в выявлении основных этапов и тенденций рецепции теории карнавала Бахтина в Китае. Представлен анализ поэтапного освоения карнавальной теории в китайском научном дискурсе, рассмотрена специфика её восприятия на разных этапах. На основании проведенного анализа были сделаны соответствующие выводы: рецепция теории карнавала в Китае прошла путь от первичного освоения через углубленное осмысление к многомерному теоретическому развитию. Наиболее активные дискуссии развернулись вокруг вопросов исторической обоснованности теории и её методологических оснований.

Ключевые слова: М.М. Бахтин, теория карнавала, карнавализация, китайское бахтиноведение, рецепция, гротескный реализм, карнавальный смех.

Распространение идей Бахтина в Китае демонстрирует особую траекторию развития. По сравнению с исследовательским процессом в России и на Западе, системное изучение этой теоретической системы в Китае началось относительно поздно. Несмотря на то, что китайские ученые впервые познакомились с идеями Бахтина в 1960-х годах, официальное признание теории карнавала и углубленное её изучение началось только в начале 1980-х годов.

У истоков теоретического освоения концепции Бахтина важнейшее значение имела переводческая работа. В 1982 году публикация перевода первой главы «Проблем поэтики Достоевского», выполненного Ся Чжунъи в китайском журнале «Мировая литература» («世界文学», Пекин), ознаменовала начало вхождения теории карнавала в китайский академический контекст.

Первоначальные исследования теории Бахтина в Китае характеризовались особым акцентом: приоритетное внимание уделялось теории полифонии. По мере углу-

бления исследований учёные осознали ограниченность подхода, сфокусированного исключительно на теории полифонии и обратили свое внимание на феномен карнавализации. Изучение теории карнавала в Китае можно разделить на три этапа:

I. Этап теоретической интерпретации

На конференции «Исследования Бахтина: Запад и Китай» в 1993 году в Пекине Чжан Иу впервые применил теорию карнавала для интерпретации постмодернистской культуры Китая, положив начало системному изучению этой теории в китайском научном сообществе.

Фундаментальный вклад в освоение теории карнавала внесла Ся Чжунсянь [1; 2], работы которой отличались системностью и последовательностью развития идей. Особую ценность представляли её переводы дискуссионных и критических исследований российских ученых, что существенно расширило теоретические горизонты китайской науки и заложило основу для дальнейшего развития этой концепции.

По мере углубления исследований китайские учёные начали рассматривать теорию карнавала Бахтина с различных научных позиций, что привело к формированию нескольких ключевых направлений изучения.

В частности, значительный вклад в фольклористическое направление исследований внёс Чжун Цзинвэнь [3; 4]. В своих работах он рассматривал карнавал как универсальное культурное явление, применяя сравнительный подход. Анализируя карнавальные элементы в истории китайской культуры и их национальную специфику, исследователь выявил как общность духовного содержания карнавализации в восточной и западной традициях, так и их культурные особенности, что открыло новые перспективы для диалога между теорией Бахтина и китайской традиционной культурой.

В области культурологической поэтики появление ряда фундаментальных монографий ознаменовало углубление исследований. Общей чертой этих работ является попытка охватить основные аспекты теории культуры Бахтина через комплексное прочтение его трудов с точки зрения поэтики культуры. Монография Ся Чжунсянь «Исследование поэтики карнавализации Бахтина» [5] является первым в Китае системным исследованием теории карнавала, где всесторонне анализируются истоки, содержание и эволюция карнавального сознания. Особую ценность представляет заключительная часть работы, где автор применяет теорию карнавала к анализу романа Цао Сюэциня «Сон в красном тереме», демонстрируя универсальность данной теории для интерпретации китайской литературы.

Чэн Чжэнминь в монографии «Культурная поэтика М.М. Бахтина» сосредоточил внимание на влиянии народной карнавальной культуры на литературу, утверждая культурологический подход как центральное направление бахтинских исследований [6]. Ван Цзяньган в работе «Поэтика карнавала – исследование литературной мысли Бахтина» творчески соединил теорию карнавала с теорией диалога, исследуя карнавальную природу взаимосвязи рационального и иррационального в человеческой деятельности [7].

Критический взгляд на теорию карнавала представлен в работе Чжао Юна «Раскрытие и расширение народного дискурса – о теории карнавала Бахтина». Рассматривая теорию в контексте гуманистических традиций русской интеллигенции и диалога Бахтина с советской официальной идеологией, исследователь не только предложил новый взгляд на её интерпретацию, но и критически осмыслил её ограниченность, указав на чрезмерное преувеличение значения народного дискурса [8].

Следует выделить исследование Сунь Лэя, который

рассматривает теорию карнавала с точки зрения литературы, философии, эстетики и культурной антропологии, подчеркивая, что карнавализация вышла за рамки чисто литературной критики и стала междисциплинарной культурной концепцией [9]. Данный теоретический подход отражает переосмысление существующих литературных теорий и культурных норм, что способствовало многомерному развитию последующих теоретических исследований.

Необходимо отметить, что на данный момент многие ученые сосредоточили свое внимание на анализе особенностей карнавального дискурса [10], а также на обобщенном изучении истоков и развития теории карнавала [11; 12; 13]. Одновременно с этим комплексное исследование Сун Чуньсян связывает теорию карнавала с религией. В своей работе она исходит из изучения религиозного сознания самого Бахтина, раскрывая духовный фон формирования его мышления; затем автор глубоко анализирует внутреннюю связь между элементами теории карнавала и религиозными темами; и, наконец, рассматривает духовные потенции, заложенные в этой теории. На основе этого системного исследования Сун Чуньсян выдвигает два важных тезиса: во-первых, Бахтин пытался через теорию карнавала выстроить диалогические отношения с религией, которые содержат как элементы противостояния, так и единства; во-вторых, религиозность, как она полагает, обуславливает некоторые теоретические противоречия в его мышлении. Эти выводы не только восполнили важный пробел в китайских исследованиях личности Бахтина, но и предоставили новую теоретическую рамку для понимания глубинной системы теории карнавала [14].

С начала нового века теория карнавала становится действенным инструментом культурной критики. В ходе исследований были разработаны ключевые эстетические концепты теории: карнавальный смех, гротескный реализм, карнавальный язык, телесное мышление, концепция смерти.

В исследованиях Чжоу Вэйчжуна раскрывается принцип двойственности как основополагающий принцип карнавальной поэтики Бахтина. По мнению ученого, двойственность проявляется не только в противоположных полюсах свойств явлений, но и в сопоставлении явлений различной природы, представляя собой универсальное состояние карнавального мира. В отличие от идеи единства противоположностей в немецкой классической философии, понимание двойственности Бахтина основывается на конкретном опыте осмысления западных культурных форм. Этот подход стал важным теоретическим инструментом для анализа взаимоотношений возвышенного и обыденного, серьезного и комического в карнавальной литературе [15; 16].

Исследования интерпретации гротескного реализма, разработанные Бахтиным, создали важную теоретическую основу для последующего изучения эстетики гротеска. Лэй Яньлинь, опираясь на культурные истоки, тщательно проанализировал труды Бахтина о гротескном реализме и раскрыл процесс его развития [17]. Чжоу Цзиу представил комплексный анализ теории гротескного реализма в онтологическом, историческом, структурно-формальном и функционально-ценностном аспектах. Он определил гротеск как эстетическую категорию, подчеркнув его двойную функцию – освобождающую и возрождающую. [18].

Кроме того, Чэнь Суэ подчеркнула необходимость рассмотрения гротескного реализма независимо от обширной поэтической системы Бахтина и указала на народную смеховую культуру как основу возникновения этой теории. Одновременно она выявила ряд недостатков теории: в исследовании происхождения гротеска, Бахтин чрезмерно сосредоточился на декоративной живописи греко-римского периода; в оценке народной культуры присутствуют тенденции к идеализации; в методологии исследования чрезмерное внимание уделяется отдельным произведениям, игнорируя явления гротеска в восточной литературе и искусстве [19]. Хотя данная критическая оценка теории имеет важное значение, её чрезмерный акцент на гротескных явлениях в восточной литературе создаёт риск игнорирования культурных различий.

В ранних интерпретациях гротескного реализма китайские ученые в основном следовали методологической модели, разработанной Бахтиным при анализе творчества Франсуа Рабле. Сяо Цзиньюй указал, что не следует просто применять теорию Бахтина, а нужно понимать её истоки, исходя из ключевой концепции православной соборности. Его исследование предложило новый подход к пониманию гротескного реализма [20].

Новую интерпретацию гротескного реализма предложила Хун Синь через призму концепции «присутствия Другого». По её мнению, именно эта концепция служит основополагающим ключом к осмыслению гротескного реализма. Эта точка зрения преодолевает недостатки предыдущих исследований, которые в основном фокусировались на эстетическом характере и особенностях гротеска, и позволяет глубже раскрыть взаимодействие между «я» и «другим», заложенное в природе гротеска [21]. Некоторые китайские ученые сосредоточили свое внимание на противоречии между гротеском и реализмом [22; 23]. В исследовании телесности Цинь Юн проанализировал, как дионисийский дух Ницше, подчеркивающий индивидуализм, был воспринят и впоследствии трансформирован Бахтиным в концепт «коллективного тела», акцентирующую коллективное сознание сопротивления [24]. Ма Чжэньхун обратил внимание на бах-

тинское понимание смерти, утверждая, что смерть гротескного персонажа открыла своеобразный путь для Бахтина в объяснении внутренней связи между гротескным реализмом и карнавальной культурой [25].

Карнавальный смех также является актуальной темой в работах китайских авторов. В области сравнительных исследований некоторые ученые сопоставляют Бахтина с китайским романистом Фэн Мэнлуном: так, например, Цинь Юн сравнил теорию карнавала Бахтина с теорией юмора Фэн Мэнлуна, указывая, что эти теории укоренены в народной смеховой культуре, рассматривают вопросы с позиции простого народа, используют смех как инструмент противодействия официальной культуре, и в конечном итоге направлены на изучение народного утопического идеала [26]. Чжан Кайянь отмечает, что оба автора имеют схожие взгляды на происхождение романа и подчеркивают его юмористическую функцию [27].

Ряд китайских ученых проводит сравнительный анализ между Бахтиным и немецким писателем Фридрихом Шиллером: Так, Мэй Лань исследует сходства и различия между эстетической образовательной мыслью Шиллера и идеей карнавализации Бахтина, показывая через сравнительный анализ, что хотя обе концепции имеют утопический характер в понимании человеческой природы, их трактовка взаимоотношений между человеком и миром различается из-за разных философских оснований [28]. В своем сравнительном исследовании Цзэн Цзюнь указал, что Бахтин не только унаследовал шиллеровскую классификацию сатиры и её связь с возвышенным и прекрасным, но и расширил теоретическое пространство исследования сатиры, особенно в аспектах исторической поэтики, истоков народной смеховой культуры и анализа двойственности сатиры [29].

Говоря о влиянии карнавального смеха на комедию, Сю Тянь указывает на важные методологические прозрения карнавального смеха для понимания комедии [30]. Су Хуэй, опираясь на своих предшественников, отмечает, что карнавальный смех расширил понимание комедии на онтологическом и эпистемологическом уровнях, преодолев ограничения традиционной западной комической эстетики в понимании амбивалентной природы комического [31]. В то же время Лун Сиху указывает, что двойственность карнавального смеха раскрывает важные характеристики комического мышления [32]. Ли Ся, опираясь на концепцию карнавального смеха, обосновывает утверждение о превосходстве комедии над трагедией [33].

Следует заметить, что в данных исследованиях наблюдаются определенные недостатки. Учёные чрезмерно подчеркивают протестную функцию карнавального смеха, упрощённо сводя его к инструменту противостояния власти и подрыва иерархии, при этом упуская из виду

его богатые функции в социальном взаимодействии. В отдельных случаях встречается недостаточное понимание многогранности смеха, не вполне осознаётся то обстоятельство, что смех как сложное культурное явление включает в себя не только черты сатиры и насмешки, но и несёт позитивный смысл примирения и толерантности.

II. Этап теоретической полемики

После введения теории карнавала в китайский научный обиход, благодаря предшествующим системным и многоаспектным теоретическим исследованиям, восприятие данной теории в научном сообществе постепенно эволюционировало от не критического принятия к критическому осмыслению. Наиболее заметно это проявилось в продолжительной научной дискуссии 2004–2011 годов, центральными вопросами которой стали историческая обоснованность теории карнавализации, её методологические основания и межкультурная применимость.

Полемика началась с публикации статьи Янь Чжэня в 2004 году, в которой автор указал на фундаментальные недостатки карнавальная поэтики Бахтина [34]. В ответ на эту критику Ся Чжунсянь отмечал, что дискуссии вокруг теории карнавала Бахтина имеют долгую историю и активно велись как в западном, так и в советском научном сообществе. Бахтин не искажил сущность карнавала, а возвёл народную карнавальную культуру на уровень теоретического осмысления, осуществив своего рода культурное открытие и теоретическую инновацию [35].

В развитие полемики Янь Чжэнь представил системный анализ проблем теории на нескольких уровнях. В историческом аспекте учёный указывает на отсутствие документальных подтверждений описания карнавала и его избирательный характер, искажающий базовую природу явления через необоснованное выдвигание периферийных элементов на первый план. Значение карнавала в социальной жизни и культурной истории, по его мнению, оказалось существенно преувеличенным [36].

Утверждение об антиправительственной и антицерковной природе карнавала, как отмечается в работе, не находит подтверждения в исторических фактах. Более того, постулируемая Бахтиным связь карнавала с ренессансными идеалами равенства и свободы противоречит историческим свидетельствам, которые указывают на отсутствие значительного идейного потенциала карнавала в рассматриваемый период.

На теоретическом уровне Янь Чжэнь подвергает сомнению концептуальные основы теории: ключевое понятие карнавализации не имеет достаточного литературно-исторического обоснования, а представление о развитии открытой структуры большого диалога вы-

глядит скорее теоретическим конструктом. Методологические изъяны теории проявляются в необоснованном превращении частных фактов в общие закономерности, что в совокупности позволяет говорить о фундаментальной фальсификации культурной истории.

В ответ на эту развёрнутую критику Лин Цзяньхоу отметил, что опора Янь Чжэня только на отдельные работы зарубежных историков не может служить достаточным основанием для опровержения теории Бахтина. Учёный перевёл дискуссию на методологический уровень, подчеркнув, что по сути это спор о понимании истории, затрагивающий фундаментальный вопрос о соотношении элитарной и народной культуры. Признавая определённые недостатки теории Бахтина, он не считает их принципиальными, отмечая неизбежную субъективность интерпретации исторических источников. Уникальная ценность теории карнавала Бахтина, по его мнению, заключается именно в обращении к народной культуре и утверждении права народного дискурса [37; 38].

Таким образом, дискуссия не только не утратила своей остроты, но и приобрела новое измерение с публикацией в 2011 году статьи Янь Чжэня [39]. Хотя эта научная полемика способствовала углублению понимания теории карнавала в китайских академических кругах, она также выявила ряд существенных недостатков в подходах к её осмыслению. Аргументация обеих сторон страдала очевидной односторонностью: Янь Чжэнь чрезмерно подчёркивал значение исторических источников, превращая историческую достоверность в единственный критерий оценки теории, игнорируя при этом конструктивный характер культурологических теорий, в то время как Лин Цзяньхоу, хотя и пытался вести дискуссию на методологическом уровне, его признание недостатков теории оставалось нечётким и не было подкреплено достаточной аргументацией. Что наиболее важно, эта затянувшаяся дискуссия так и не привела к формированию эффективного научного консенсуса и не способствовала созданию научных стандартов теоретической оценки. Тем не менее, нельзя отрицать, что эта полемика принесла новую академическую атмосферу в китайские научные круги.

В дальнейшем научное сообщество обратилось к более широкому вопросу о применимости теории карнавализации в различных культурных контекстах. Фундаментальный вопрос Янь Мина «Существует ли карнавал в Китае?» открыл новую перспективу в осмыслении межкультурного потенциала теории [40].

III. Этап многомерного теоретического изучения

Критическое осмысление теории карнавала Бахтина в ходе научной полемики способствовало существенному расширению исследовательского поля и диверсификации подходов. Это привело к переходу от однона-

правленных дискуссий к многомерному теоретическому изучению. Наиболее заметной характеристикой является практический поворот в применении теории, что нашло своё применение в использовании теории карнавала для интерпретации литературных текстов [41; 42; 43] и лингвистических явлений [44], а также для культурологического прочтения [45]. Следует отметить, что в работах китайских исследователей наблюдается тенденция к механическому наложению теории карнавала на анализ китайских литературных произведений. Они часто игнорируют культурные различия, упрощённо проецируя характеристики западной карнавальной культуры на традиционную китайскую культуру. При этом излишне подчёркивается карнавальная изнанка, в то время как гармоничная природа традиционной китайской культуры остаётся без должного внимания.

Учёный У Чжэньюй, сочетая теорию карнавала Бахтина с исследованиями маргинальной культуры и обращаясь к работам современного историка искусства Майкла Кэмилла, демонстрирует ценность карнавальной теории в области истории искусства. В частности, развивая методологическую парадигму центр-периферия, он доказывает, что карнавальная теория применима не только к литературоведению, но и может служить эффективным инструментом для интерпретации средневекового искусства. Данная работа представляет собой первую попытку китайских ученых применить теорию карнавала в области искусствоведения [46].

Несмотря на определённую методологическую унифицированность таких исследований, активное практическое применение теории Бахтина подтвердило её эвристический потенциал и продемонстрировало жизнеспособность идей ученого в межкультурном контексте.

В ряде научных работ наблюдается отчетливый поворот к антропологической проблематике, где человек становится центральным объектом изучения. Ван Чуньхуэй открыл это направление, впервые указав на то, как карнавальная поэтика обогащает человеческий опыт существования и усиливает понимание литературы как науки о человеке, заложив тем самым основу для дальнейших исследований [47].

Вышеуказанное направление получило развитие в трудах Ма Ли, который посвятил свою работу изучению образа двуликого Януса в карнавальном мире, что вывело исследование на уровень антропологической субъектности, углубив понимание проблемы субъектности в карнавальной теории Бахтина [48].

Значительный шаг в развитии теории сделал Ван Чжигэн, который в своей статье расширил теоретические горизонты. Он определил карнавализацию как механизм культурного обновления, затрагивающий не

только обновление нарративных моделей, философских концепций и социальных форм, но и, что важнее, проявление индивидуальной ценности. Подчеркивая, что карнавал, несмотря на свой всенародный характер, в основе своей направлен на раскрытие личностной ценности и удовлетворение индивидуальных потребностей; исследователь выделил измерение индивидуальной субъектности в теории карнавала [49].

Существенный теоретический прорыв связан с исследованием Гуань И. Основываясь на глубоком изучении контекста формирования теории в книге «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса», он рассмотрел теорию карнавала Бахтина в рамках марксистской антропологии, раскрыв её критику тоталитаризма и стремление к миру свободы и равенства, тем самым связав теорию карнавала с социальной критикой и гуманистическими ценностями [50].

Исследование Ван Сюя через системное осмысление внутренней логики теории смогло органически объединить теорию карнавала с теорией диалога, показав, что карнавал по сути является практическим воплощением теории диалога. Анализируя секулярный характер и маргинальность карнавальной жизни, он показал возможность самопреодоления человека и расширения границ через карнавальное взаимодействие с другими [51].

Эта серия исследований демонстрирует постоянное развитие и движение антропологического измерения теории карнавала Бахтина: от первоначального признания гуманистической ценности через углубленное осмысление субъектности к формированию теоретической системы, сосредоточенной на человеке.

Подводя предварительные итоги, можно сказать, что развитие рецепции теории карнавала Бахтина в Китае прошло несколько этапов: начальный период характеризовался преимущественно теоретическим осмыслением и интерпретацией, что было обусловлено относительно поздним знакомством китайского научного сообщества с данной теорией; на следующем этапе наблюдается тенденция к более критическому осмыслению теории, дополняющему её первоначальное восприятие; современный этап отличается многоаспектным подходом, сочетающим теоретическое осмысление с практическим применением теории в исследованиях литературы и культуры.

Особого внимания заслуживает тесная связь процесса рецепции теории карнавала с социокультурным контекстом Китая. Провозглашаемая теорией открытость мышления органично соответствовала острой потребности китайского общества в инновационных идеях в период реформ и открытости, что значительно способствовало распространению и развитию теории.

Однако в современной рецепции теории наблюдаются противоречия. Например, в частности, в научном сообществе наметилась тенденция к чрезмерному использованию теории карнавала при анализе литературных произведений и культурных феноменов. Это явление

ставит вопрос о необходимости более четкого определения границ применения теории карнавала. Решение этих вопросов важно не только для развития рассмотренной теории в Китае, но и для углубления мирового бахтиноведения в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ся Чжунсянь. Теория карнавализации М.М. Бахтина // Вестник Пекинского педагогического университета. Пекин, 1994. № 5. С. 74–82.
2. Ся Чжунсянь. Рабле и народная смеховая культура, карнавализация: Бахтин о Рабле // Обзор зарубежной литературы. Пекин, 1995. № 1. С. 120–125.
3. Чжун Цзинвэнь. Карнавализация литературы и карнавал // Гуанмин жибао. Пекин, № 7, 1999. С. 1–2.
4. Чжун Цзинвэнь. О теории литературной карнавализации М.М. Бахтина // Становление китайской фольклористической школы. Харбин: Изд-во Хэйлуньцзянского образования, 1999. С. 152–158.
5. Ся Чжунсянь. Исследование поэтики карнавализации Бахтина. Пекин: Изд-во Пекинского педагогического университета, 2000. 227 с.
6. Чэн Чжэнминь. Культурная поэтика М.М. Бахтина. Пекин: Изд-во Пекинского педагогического университета, 2001. 264 с.
7. Ван Цзяньган. Поэтика карнавала: исследование литературной мысли М.М. Бахтина. Шанхай: Изд-во «Сюэлинь», 2001. 381 с.
8. Чжао Юн. Раскрытие и расширение народного дискурса: о теории карнавализации М.М. Бахтина // Исследования зарубежной литературы. Ухань, 2002. № 4. С. 1–9.
9. Сунь Лэй. Ключевые слова западной литературной теории: карнавализация // Зарубежная литература. Пекин, 2018. № 3. С. 94–104.
10. Ху Мань. Карнавал как китайский языковой феномен: лингвистическая интерпретация теории карнавализации Бахтина: магист. дисс. Ухань, Центрально-Китайский педагогический университет, 2010. 44 с.
11. У Чэнду. Обзор поэтической теории Бахтина: от социологической поэтики к культурной поэтике: дис. канд. филол. наук. Цзинань, Шаньдунский университет, 2006. 142 с.
12. Ли Вэньнин. Истоки и развитие теории карнавализации: дис. канд. филол. наук. Ухань: Центрально-Китайский педагогический университет, 2009. 186 с.
13. Хань Цифэй. Красота карнавала: эстетическое прочтение теории карнавала Бахтина: магист. дисс. Цюйфу: Цюйфуский педагогический университет, 2014. 41 с.
14. Сун Чуньсян. Религиозное измерение карнавала: исследование теории карнавала Бахтина: дис. канд. филол. наук. Пекин: Китайский народный университет, 2008. 224 с.
15. Чжоу Вэйчжун. Двойственность – основная философская позиция карнавальная поэтики Бахтина // Вестник Юго-Западного транспортного университета. Чэнду, 2004. Т. 5. № 6. С. 26–30.
16. Чжоу Вэйчжун. Двойственность, диалог, существование: онтологическое прочтение карнавальная поэтики Бахтина. Чэнду: Изд-во Юго-Западного транспортного университета, 2007. 218 с.
17. Лэй Яньлинь. Культурные истоки, формирование и развитие концепции гротескного реализма Бахтина // Вестник Хунаньского педагогического университета. Чанша, 2001. № 2. С. 199–201.
18. Чжоу Цию. К вопросу о гротескном реализме Бахтина // Вестник Сюйчжоуского педагогического университета. Сюйчжоу, 2001. № 3. С. 76–82.
19. Чэнь Суэ. Бахтин о гротескном реализме // Вестник Хубэйского университета. Ухань, 2003. № 3. С. 58–61.
20. Сяо Цзиньюй. Соборность и гротескный реализм в русской классической литературе // Иностранные языки и их преподавание. Далянь, 2019. № 4. С. 101–110.
21. Хун Синь. Присутствие другого: о гротескной поэтике Бахтина // Русское литературоведение. Пекин, 2024. № 3. С. 150–160.
22. Чэн Сюжань. О напряжении между реальностью и антиреальностью в гротескном реализме Бахтина // Цзиньгу вэньчуан. Пекин, 2020. № 40. С. 21–24.
23. Не Чэнцзюнь, Чэн Сюжань. Антиномия реализма: о четырех уровнях гротескного реализма // Обзор китайской книги. Пекин, 2022. № 2. С. 94–106.
24. Цинь Юн. Карнавал и юмор: сравнительный анализ дискурса сопротивления у Бахтина и Фэн Мэнлуна // Вестник Янчжоуского университета. Янчжоу, 2000. № 4. С. 9–12.
25. Ма Чжэньхун. О теории карнавализации Бахтина и его художественном восприятии смерти // Вестник Яньаньского университета (Общественные науки). Яньань, 2008. № 6. С. 107–111.
26. Цинь Юн. О влиянии дионисийской теории на концепцию телесности Бахтина // Вестник филологического факультета Нанкинского педагогического университета. Нанкин, 2003. № 3. С. 95–100.
27. Чжан Кайянь. Сравнительное исследование идей Фэн Мэнлуна и Бахтина о происхождении романа // Вестник Центрально-Китайского педагогического университета. Ухань, 2013. № 1. С. 92–98.
28. Мэй Лань. предметный и реляционный миры: сравнительный анализ эстетического воспитания Шиллера и теории карнавализации Бахтина // Вестник Уханьского института науки и технологического образования. Ухань, 2002. № 2. С. 13–18.
29. Цзэн Цзюнь. Наследование и развитие Бахтиным концепции сатиры Шиллера: к вопросу об эстетико-историческом значении теории смеха Бахтина // Исследования зарубежной литературы. Ухань, 2001. № 3. С. 8–14.
30. Сю Тянь. Теория карнавализации и комическое сознание: прозрения Бахтина // Вестник Центрально-Китайского педагогического университета. Ухань, 2001. Т. 40. № 3. С. 89–92.
31. Су Хуэй. Теоретический вклад Бахтина в западную эстетику комического // Вестник Центрально-Китайского педагогического университета. Ухань, 2002. № 1. С. 82–88.

32. Лун Сиху. О комическом духе в теории карнавализации Бахтина // Вестник Цзянсийского института образования. Наньчан, 2004. № 5. С. 82–85.
33. Ли Ся. О тезисе «комедия выше трагедии»: размышления о бахтинской теории карнавального смеха // Вестник Ляньюньганского педагогического института. Ляньюньган, 2004. № 2. С. 48–50.
34. Янь Чжэнь. Миф, рожденный воображением: критика теории карнавала Бахтина // Литературная критика. Пекин, 2004. № 3. С. 56–62.
35. Ся Чжунсянь. Открытия, глубоко укорененные в народной культуре // Литературная критика. Пекин, 2005. № 3. С. 54–60.
36. Янь Чжэнь. Вымысел в истории культуры: семь недостатков теории карнавала Бахтина // Исследования литературы и искусства. Пекин, 2006. № 12. С. 82–88.
37. Лин Цзяньхоу. Теория карнавала и историческое исследование // Русская литература и искусство. Пекин, 2008. № 1. С. 59–65.
38. Лин Цзяньхоу. Теория карнавала Бахтина в историческом ракурсе // Вестник Северо-Западного педагогического университета. Ланьчжоу, 2008. № 4. С. 14–20.
39. Янь Чжэнь. Двойной дефицит истории и логики: критика теории карнавала Бахтина // Вестник Хунаньского университета. Чанша, 2011. № 2. С. 78–82.
40. Янь Мин. Существует ли карнавал в Китае? Применение и переосмысление теории карнавала // Общественные науки Шаньдуна. Цзинань, 2011. № 1. С. 159–162.
41. У Яньян. Исследование влияния карнавальной поэтики Бахтина на китайскую литературную критику: магист. дисс. Шэньян: Ляонинский университет, 2017. 44 с.
42. Чэн Хуань. Интерпретация романа «Супер пончик» с точки зрения теории карнавализации Бахтина: магист. дисс. Чжэнчжоу: Чжэнчжоуский университет, 2022. 76 с.
43. Ян Линьфэн. Исследование романа «Мастер и Маргарита» в контексте теории карнавализации Бахтина: магист. дисс. Чанчунь: Цилиньский университет, 2023. 66 с.
44. Чжао Исюань. О тенденции карнавализации в развитии русской лексической системы // Исследования языка и культуры. Пекин, 2023. № 1. С. 63–66.
45. У Чэнду. Значение теории карнавализации Бахтина для современной массовой культуры // Вестник Дунцзян. Харбин, 2006. Т. 23. № 1. С. 26–30.
46. У Чжэньюй. Культура на границах: поэтика карнавализации М.М. Бахтина и изучение М. Камилла в области средневекового искусства // Евразийские гуманитарные исследования. Пекин, 2024. № 2. С. 59–66.
47. Ван Чуньхуэй. Краткий анализ карнавальной поэтики Бахтина // Цилу сюэкань. Цзинань, 2004. № 5. С. 159–160.
48. Ма Ли. Двудликий Янус: анализ проблемы субъективности в эстетической антропологии Бахтина // Вестник Гуансийского института национальностей. Наньнин, 2003. № 6. С. 41–46.
49. Ван Чжигэн. Карнавализация и культурное обновление // Вестник Шихэцзыского университета. Шихэцзы, 2019. Т. 33. № 3. С. 88–94.
50. Гуань И. Исследование взаимосвязи теории карнавализации Бахтина и народного карнавала // Красота и эпоха. Чжэнчжоу, 2023. № 6. С. 34–37.
51. Ван Сюй. Полифония, карнавал и хронотоп: поиск антропологической ценности диалогической теории Бахтина // Вестник Хубэйского университета. Ухань, 2024. № 4. С. 78–85.

© Фан Сяожань (xfang@inbox.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»